

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161–1БЕЛ.08:82.091

Л. В. Гармаш

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА»

Л. В. ГАРМАШ. ТАНАТОЛОГІЧНІ МОТИВИ В РОМАНІ АНДРІЯ БЕЛОГО «МОСКВА»

У статті розглядається роман Андрія Белого «Москва» з точки зору розвитку і функціонування в ньому танатологічних мотивів, пов'язаних з образами головних героїв підсумкового твору письменника – вченого-математика Івана Івановича Коробкіна та його антагоніста, Едуарда фон Мандро. Розглянуто танатологічну складову імен героїв. Розкрито зміни у світоглядній позиції Коробкіна: від його спроб за допомогою наукових занять відгородитися від «неясності життя» до засліплення і метафізичної смерті героя. Проаналізовано перебування професора в «іншому світі», символічним заміщенням якого стала лікарня для душевнохворих, і його остаточне прозріння, в результаті чого Коробкін приходить до думки про необхідність знищити своє відкриття, тому що його використання недосвідченими людьми може привести до катастрофи світового масштабу. Проблема відповідальності вченого за свої відкриття, поставлена в романі Белого, розглядається у статті в контексті російської та зарубіжної літератури. На думку автора статті, міфопоетичним кодом, який використовується у творі для розкриття глибини переживань Коробкіна, служить заключна частина євангельського міфу, у якій йдеться про страсті Христові. Для Коробкіна знищення праці всього його життя рівнозначно сходженню на Голгофу, але, як і його прототип, професор свідомо приймає болісне для нього рішення, щоб «врятувати» людство від винайденого ним смертоносного променя. У статті встановлюються точки перетину сюжету прозріння Коробкіна та історії про сліпоту-прозріння царя Едіпа, яка лягла в основу трагедії Софокла. До кола прототипів головного героя, на думку автора статті, відноситься також образ «надлюдини» з філософії Ф. Ніцше.

Ключові слова: танатологічний мотив, наукове відкриття, міфопоетичний код, метафізична смерть.

Л. В. ГАРМАШ. ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА»

В статье рассматривается роман Андрея Белого «Москва» с точки зрения развития и функционирования в нем танатологических мотивов, связанных с образами главных героев итогового произведения писателя – ученого-математика Ивана Ивановича Коробкина и его антагониста, Эдуарда фон Мандро. Рассмотрена танатологическая составляющая имен героев. Раскрыты изменения в мировоззренческой позиции Коробкина: от его попыток с помощью научных занятий отгородиться от «невнятицы жизни» до ослепления и метафизической смерти героя. Проанализировано пребывание профессора в «ином мире», символическим замещением которого стала лечебница для душевнобольных, и его окончательное прозрение, в результате чего Коробкин приходит к мысли о необходимости уничтожить своё открытие, так как его использование несведущими людьми может привести к катастрофе мирового масштаба. Проблема ответственности ученого за свое открытие, поставленная в романе Белого, рассматривается в статье в контексте русской и зарубежной литературы. По мнению автора статьи, мифопоэтическим кодом, который используется в произведении для раскрытия глубины переживаний Коробкина, служит заключительная часть евангельского мифа, повествующая о страстях Христовых. Для Коробкина уничтожение труда всей его жизни равнозначно восхождению на Голгофу, но, как и его прототип, профессор сознательно принимает мучительное для него решение, чтобы «спасти» человечество от изобретенного им смертоносного луча. В статье устанавливаются точки пересечения сюжета прозрения Коробкина и истории об ослеплении-прозрении царя Эдипа, легшей в основу трагедии Софокла. Одним из прототипов главного героя, по мнению автора статьи, является также образ «сверхчеловека» из философии Ф. Ницше.

Ключевые слова: танатологический мотив, научное открытие, мифопоэтический код,

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.33567>

метафизическая смерть.

L. V. GARMASH. THANATOLOGICAL MOTIFS IN ANDREJ BELY'S NOVEL "MOSCOW".

The article examines Andrey Bely's novel "Moscow" from the point of view of the development and functioning of thanatological motifs associated with the images of the main characters of the final works of the writer – scientist-mathematician Ivan Ivanovich Korobkin and his antagonist Eduard von Mandro. Thanatological component of the names of the heroes is considered. The change of the ideological position of the main character from his attempts through scientific practice to isolate himself from the "vagueness of life" to his blindness and metaphysical death is disclosed. His staying in the "other world", the symbolic substitution of which is the mental hospital and his final Epiphany, due to which he comes to the thought of having to destroy his discovery, because of using it by ignorant people can lead to disaster on a global scale is analyzed. The problem of responsibility of the scientist for his discovery posed in Bely's novel is considered in the context of Russian and foreign literature. The author of the article believes, that mythopoetic code used in the product to explain and express the depth of Korobkin's feelings. To achieve this purpose the author refers to the last part of the gospel myth, which tells of the passion of Christ. For Korobkin destroying the work of his whole life is equivalent to ascent to Calvary but like his prototype he deliberately takes a painful decision "to save" humanity from the invented death ray. The points of intersection of the plot of insight and the history of blinding-Epiphany of king Oedipus, which formed the basis of the tragedy of Sophocles are specified. A number of prototypes of the main character is ending with an image of Superman of Nietzsche's philosophy.

Keywords: thanatological motif, scientific discovery, mythopoetic code, metaphysical death.

«Москва» (1926 – 1932) – итоговый роман Андрея Белого, который так и не был закончен автором. Долгое время он был недоступен для читателя, что стало одной из причин почти полного забвения романа как западными, так и отечественными литературоведами. Этому способствовало также довольно широко распространенное среди ученых мнение, что последний роман писателя представляет собой «темный, загадочный текст, который не поддается расшифровке» [1, с. 764]. Лишь в 1989 году роман, «магнетизирующее название которого не менее сильно, чем название романа «Петербург»» [5, с. 3], был переиздан в России.

За рубежом труды Андрея Белого наиболее интенсивно исследовались в 50 – 80-е годы XX в. Издавались художественные произведения и воспоминания писателя, было опубликовано его эпистолярное наследие, вышли в свет концептуальные работы ведущих западных ученых (Ж. Нива, О. Мюллер-Кук, Вл. Александров, Дж. Малмстад, Л. Силард и др.). Первый Международный симпозиум, посвященный творчеству Андрея Белого, состоялся в 1984 году в Милане. Итоги работы ученых были изложены в сборнике "Andrej Belyj: Pro et Contra".

Западные ученые обращались к анализу языка и ритмической организации текста романа «Москва» (Дж. Яначек), истории создания произведения (К. Мочульский, М. Юнгрен). Плодотворными были попытки исследования мотивной структуры творчества писателя с точки зрения сюжетогенерирующей функции мотива (О. Мюллер-Кук). На сегодняшний день установлены многочисленные интертекстуальные связи с произведениями русской и зарубежной литературы (Вл. Александров, М. Карлсон, Ж. Нива, Л. Силард, А. Штейнберг), достаточно подробно исследован «антропософский текст» в творчестве Белого (Ф. Козлик, Й. Хольтхузен, Х. Шталь), определены типологические связи поэтики Андрея Белого с модернизмом (Вл. Александров, Р. Вебер, Л. Силард).

В последние два-три десятилетия все более активно проявляется интерес к творчеству Андрея Белого со стороны российских исследователей. В основном он сосредоточен на романе «Петербург», но завершающий период творчества писателя также привлекает внимание ученых. Так, к анализу биографического и историко-культурного контекста поздней публицистики и романа «Москва» обращается М. Спивак. Авторы диссертационных исследований, посвященных проблематике и архитектонике романа «Москва», стремятся выявить специфику семантической структуры философемы «Восток – Россия – Запад» (К. Попова), обнаружить и описать многообразие скульптурных, живописных, музыкальных аллюзий в творчестве Белого (Е. Астащенко). Н. Шарапенкова рассматривает мотивную структуру романа, анализирует образ демонического героя и героя-чудака, раскрывает приемы

создания имени в романе и специфику авторской концепции Города. Особенно часто предметом исследования становился мифопоэтический уровень романа. Ученые пришли к выводу о наличии в нем сложно организованной системы античных, библейских, антропософских мотивов, интертекстуальных связей с литературными архетипическими образами и сюжетами (фаустовский и др.) (Н. Кожевникова, Н. Колихалова).

Первоначально роман должен был включать четыре тома, однако Белый успел полностью завершить лишь два. Первый том состоит из двух частей – «Московский чудак» и «Москва под ударом», второй носит название «Маски». Основные перипетии романа сосредоточены вокруг научного открытия мирового значения, сделанного ученым Иваном Ивановичем Коробкиным. Это формула необыкновенно мощного светового луча, обладающего огромной разрушительной силой. Ее открытие приводит к трагическим последствиям как для самого ученого, так и для шпиона, Эдуарда Эдуардовича Мандро, который под личиной старика Мордана проникает в дом Коробкина, подвергает профессора пыткам и в конце концов выжигает ему свечкой глаз, пытаясь таким способом добыть заветную формулу, чтобы продать ее западным разведкам. В результате оба сходят с ума, Мандро удается скрыться, а ученый попадает в лечебницу для умалишенных. Именно с главным героем романа, профессором Коробкиным, и его антагонистом Мандро связаны основные танатологические ситуации, которые станут предметом нашего анализа.

Первой танатологической ситуацией, оказавшей непосредственное влияние на судьбу Ивана Ивановича и во многом предопределившей его мировоззренческую позицию, стала смерть отца, в результате чего пятнадцатилетний гимназист был вынужден самостоятельно добывать средства для жизни. Эти обстоятельства вместе с пережитым в детстве на Кавказе нападением лезгин привели героя к убеждению, что «невнятица жизни его побеждаема ясностью лишь доказуемых тезисов» [3, с. 3]. По мнению Коробкина, именно занятия точными науками оградят его от «невнятицы жизни», ее абсурдности, непредсказуемых перипетий, внезапных поворотов судьбы, случайностей, иррационального хаоса, поэтому двадцать пять лет своей жизни он провел, по словам повествователя, «вылобанивая сочиненье – себя обессмертить» [3, с. 9]. Таким образом, наука, в частности математика, используется героем в качестве одного из традиционных способов избегания смерти, о котором знали еще в античности: «Нет, не весь я умру, лучшая часть меня // Избежит похорон» (Гораций).

Парадоксальным образом само открытие профессора, призванное обессмертить имя его автора, является орудием массового уничтожения. Записанное на бумаге, оно воспринимается как «вещное молчание формул, готовое бацнуть осколками паровозных котлов, опустить в океаны эскадры и взвить в воздух двигатели, от вида которых, конечно же, падут замертво начальники генеральных штабов всех стран» [3, с. 13 – 14]. Подчеркивает его невероятную разрушительную силу использованная в этом же предложении танатологическая метафора – «падут замертво». Молчание формул характеризуется как «вещное», намекая на апокалипсические пророчества. Применение открытия Коробкина ведет к «искусственному», сотворенному человеком, концу света, так как угрожает существованию всего мира. Здесь ставится чрезвычайно важная проблема, особенно остро заявившая о себе в XX веке, начиная с изобретения атомного оружия, заканчивая опытами по клонированию: ответственность ученого за свое открытие.

Уже в античности философы осознавали свою ответственность за то, с какой целью будут использоваться их открытия, и пытались максимально обезопасить потенциальный ущерб от применения научных и технических изобретений на практике. Классический случай такого отношения к инновациям в сфере математики изложен в трактате Платона «Республика». Эту проблему затрагивает Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде». В литературе из современников Белого к ней обращался М. Булгаков в повести «Собачье сердце». Непредсказуемые последствия эксперимента по пересадке собаке гипофиза человека заставили главного героя отказаться от своего научного достижения. В другой повести Булгакова – «Роковые яйца» – профессора, открытие которого из-за ошибки чуть не стало причиной гибели всего человечества, растерзала безумевшая от ужаса толпа. В пьесе Б. Брехта Галилей мечтает о том, чтобы ученые создали «нечто вроде Гиппократовой присяги врачей – торжественную клятву применять свои знания только на благо человечества» [4, с. 411]. Причиной массовых самоубийств становится созданием героем романа К. Воннегута «Колыбель для кошки» вещества под названием «лед-девять». В романе Г. Уэллса «Человек-невидимка» погибает сам

изобретатель, чья способность становиться невидимым привела к неразрешимому конфликту между героем и окружающим его социумом.

В первом томе романа «Москва» Коробкин изображен как представитель «чистой науки», который не учитывает возможные негативные последствия внедрения в практику научных открытий для человечества. Моральные факторы не принимаются им во внимание вплоть до того момента, когда Мандро предложил Коробкину крупную сумму денег за сделанное им изобретение.

В беседе со своим другом профессор высказывает мысль о произошедшем глубочайшем разрыве между достижениями современных ученых и «дикарским сознанием масс», которое не способно в силу своего невежества осознать, что бездумное отношение к науке может привести к катастрофе космического масштаба: «Нельзя массам отдавать электричества; даже диплом первой степени не гарантирует, в корне взять, против ужасных последствий...»

Их все переживши, качнул головою:

– Ужасных! <...>

– Подумайте только: возможность использования электронной энергии первым, сказать между нами, болваном...

Ткнул зонтиком в небо он:

– ...не гарантирует нас... Снова ткнул им.

– ...от взрыва миров, чорт дери!» [3, с. 104]

Белый в присущей ему манере обыгрывает фамилию главного героя романа. Так как первая буква его фамилии «К», то на юбилей ему преподносят подарок: в его честь называют звезду каппа (традиционное обозначение светил в астрономии буквами греческого алфавита). Каппой называют также плоскую алгебраическую кривую 4-го порядка, что намекает на научную сферу деятельности Коробкина. Звучание буквы также связывает главного героя Белого с великими каппадокийцами, среди которых наиболее известными были Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. Буква «каппа» соотносит имя Коробкина с одним из основных мотивов романа – мотивом разрушительного времени, с нее начинается имя древнегреческого бога Кроноса (др.-греч. Κρόνος), о котором было известно, что он пожирал своих новорожденных детей. С образом Кроноса смыкается мотив времени, поглощающего людей: «Время, сплошной людоед, – поедом ест людей» [3, с. 104].

Коробкин прячет листки с формулами под подкладкой своего жилета, так как опасается, что его открытие может попасть в руки невежд. Тем не менее он не чувствует себя в безопасности, потеряв ощущение устойчивости и описывая свое состояние как «шатаешься, точно кубарик», что перекликается с мотивом «шаткости устоев» в романе Сологуба «Тяжелые сны». Достигнув в математике непререкаемого авторитета, Коробкин начинает испытывать сомнения в возможности получить абсолютное знание, а не описывать только отдельные частные случаи «в общей системе неясностей». Будучи в науке «альфой и омегой», во вселенной он стал всего-навсего «каппой», т. е. чем-то незначительным, так как каппа – это не первая и не вторая, а всего лишь десятая буква греческого алфавита. Поставив себя над законом, став «всем», профессор в результате превращается в ничто: «в “каппе” сгорает “Коробкин”» [3, с. 45], он ощущает себя взрывающимся газовым шаром, а свое сознание – распадающимися космическими мирами. Отметим характерную для Белого взаимосвязь между телом, вернее, отдельными органами тела, и сознанием. Телесные ощущения героя сосредоточены в руке и голове. Эта метафизическая смерть приводит к радикальным изменениям в характере героя, меняя направление вектора его сознания от абстрактной науки к жизненным реалиям.

Здесь же звучит мотив случая, играющего роковую роль в судьбе человека. Герой Белого, как и брюсовский Рупрехт из «Огненного ангела», размышляет о превратностях человеческой судьбы, подтверждая, что человек не властен над собственной жизнью, «коль от первого, в корне взять, встречного наша зависит судьба» [3, с. 132]. Приняв решение уничтожить труд всей своей жизни, он, подобно Христу, переживает предсмертные муки. Это и предательство (со стороны жены и сына), и одиночество (любимый ученик за границей), и пережитые во сне побои за истину, и чувство смертельной скорби, и охватившие его сомнения. Необходимость сжечь бумаги с вычислениями для Коробкина равносильна смерти: «Стало ясно ему, что с открытием надо покончить; и он – уничтожит его; тут себя он почувствовал преданным смерти: возьмите, судите! Пусть сбудется.

Сон свой припомнил о том, как его заушали и били за истину; и зашептался:

– Пусть сбудется!» [3, с. 126].

Сам профессор сравнивает свою прошлую жизнь с пребыванием в отгороженной от внешних неожиданностей коробке, наполненной ватой: «сидишь ты, обложенный ватой, – в коробке: работаешь» [3, с. 355]. Внезапно *status quo* в жизни Коробкина было нарушено. На улице с ним произошел несчастный случай: когда рассеянный профессор принял карету за доску и принялся на ней писать очередную математическую формулу, карета тронулась с места и задела его оглоблей. Герой получил сильный ушиб головы и перелом руки, что привело к серьезному недомоганию: «боль в руке – обострилась; сверлило в виске; в ушах ухало» [3, с. 243]. Пережитые физические страдания существенно повлияли на взгляды Коробкина. Этот случай и встреча с Мандро стали доказательством того, что чувство защищенности от непредсказуемых вторжений в жизнь героя извне и его попытки «спрятаться от жизни», уйдя в науку, были иллюзией: «до сих пор он работал и знал: защищают его переборки; пробоина – шелк: переборка; но с этой зимы – убедился: пробоина – будет: а вот переборки – не будет.

Пучина – объемлет» [3, с. 366].

До этого момента Коробкин пытался создать мир, устроенный по законам логики. Он стремился исключить из своей жизни всё иррациональное, не поддающееся объяснению с точки зрения рационального мышления. Даже свое сознание он рассматривал как аппарат, который может сломаться [3, с. 13]. В подтверждение своей позиции он безапелляционно утверждал, что «проблема о жизни возникла, – подмах, – в биологии, но <...> она разрешается только в механике, четко взрезая, – зонтом подмахнул, – тайны жизни» [3, с. 104]. В XX веке появляется широкий круг произведений, написанных чаще всего в жанре антиутопии, в которых показан такой механизированный мир (Р. Брэдбери, Е. Замятин, Дж. Оруэлл и др.). В XXI веке актуальность этой темы лишь возрастает.

Герой Белого сам прекрасно понимает, что «прогресс – не всегда прогрессивен и что рациональные ясности – не рациональные ясности» [3, с. 103]. Используя математическую метафору, Коробкин приводит пример гиперболы, которая постоянно приближается к асимптоте, но никогда не может ее достичь. Подобным образом ученые в своем стремлении разгадать тайны жизни будут постоянно к ним приближаться, но между наукой и действительностью всегда будет оставаться некий зазор, который преодолеть невозможно: «наши науки... – гиперболы. <...> А действительность – асимптота» [3, с. 103].

Сюжет прозрения Коробкина имеет явные аналогии с ослеплением-прозрением царя Эдипа. Как и герой трагедии Софокла, в какой-то момент возвысившийся над окружающими и решивший, что он не человек, а сын бога, Коробкин в научной среде достиг положения ученого с мировым именем, имеющего непререкаемый авторитет: «он, закон полагая, законом поставил себя; вне закона» [3, с. 103]. Но жизненные обстоятельства складываются таким образом, что герою Белого становится понятно: в течение всех этих двадцати пяти лет «был прежде слепцом он; не видел себя – в обстоянье, в котором он жил и работал; и кто-то ему, сделав бренье, очи открыл, – на себя самого, на открытие; видел, что в данном обстании жизни оно принесет только гибель» [3, с. 211]. Эдип лишает себя органов зрения, так как они были причиной самообмана героя, и тем более стали не нужны, когда иллюзии рассеялись и он познал истину. Коробкин остался без глаза не по собственной воле, но это не меняет сути произошедшей в нем радикальной переоценки ценностей, в результате чего он пришел к выводу о необходимости уничтожить свое открытие.

Анализируя образ антагониста Коробкина, Эдуарда Мандро, ученые указывают на демонические признаки, присущие данному персонажу [3, с. 53]. В частности, «спрятанная» в его имени «дыра» – символическое обозначение бездны, пустоты, небытия [6, с. 45]. Выйдя из пустоты, будучи сам олицетворением обмана, иллюзией, подделкой, «дымкой в глазах», Мандро испытывает желание опять вернуться в небытие: «ему захотелось – согнуть, исчезнуть, не быть <...> сидел, весь охваченный красной геенной огня» [3, с. 110].

Многочисленные преступления, совершенные Мандро, в том числе ряд жестоких убийств, характеризуют его как закоренелого преступника, вызывая в памяти зловещий образ маркиза де Сада, тем более что так характеризует героя сам автор, называя его «Калиостро современности» и «маркизом де Садом XX века» [2, с. 7]. Окончательное падение Мандро произошло в момент совершения им насилия над собственной дочерью, Лизашей. Ее игра в «русалочки», которые являются существами потустороннего мира – утонувшими девушками, после трагической ночи становится реальностью. Лизаша переживает метафизическую смерть, и ее единственным желанием становится месть отцу. Явившийся к ней во сне мальчик, ставший

жертвой Мандро, подсказывает способ убийства: «увидела во сне черномазого мальчика; он улыбнулся ей хмуро и криво; его синеватые пальчики, точно без крови, ей подали ножик; кровь капала с кончика:

– Этим ножом он меня!..

– Кто?

Но мальчик сказал:

– Этим самым ножом ты его!» [3, с. 44]

Используемые здесь и далее в тексте уменьшительно-ласкательные суффиксы превращают эту сцену в гротескную репетицию убийства Мандро, которое планируется рассмотреть в отдельной работе. Интересен здесь тонко подмеченный Белым эффект притяжения жертвы к ее палачу. Лизаша убийство откладывает, так как «“убить” – можно после, потом, в миг последний, когда невтерпеж станет ей от “дыры носовой”, к ней склоненной; пока же – в дыру заглядеться; и все – досмотреть; и – досодрогаться» [3, с. 49]. Зло оказывается притягательным не только для демонического героя, но и для его жертвы, любопытство оказывается сильнее чувства ужаса, страха или отвращения.

Выполняя приказ чудовищного доктора Доннера, Мандро пытается пытками заставить профессора выдать бумаги с открытием. В ярости Мандро свечкой выжигает Коробкину глаз, после чего и палач, и жертва теряют рассудок. Мандро удаётся скрыться с места преступления, а профессор оказывается в доме для умалишенных, после чего он «переживает новое рождение, осмысляет собственную сопричастность мировому злу» [6, с. 41]. В свое время Ф. Ницше утверждал, что человеку еще только предстоит стать человеком. Возможно, именно эту пропасть между человеком, какой он есть, и человеком, каким он должен стать, удалось преодолеть герою романа «Москва». Пройдя через испытания и пережив символическую смерть – безумие и изолированность от мира, – Коробкин переживает новое рождение: «говоря откровенно, – профессор Коробкин жил в двух измерениях доселе – не в трех: и не «Я» его, жившее в «эн» измерениях, а Томочка-песик, в нем живший; но Томочка-песик – покойник: он – рухнул; и в яме лежит: «Я» ж кометою ринулось в темя из «эн» измерений, им кокнуть, как кокал Никита Васильевич яйца – за завтраком; так вот из «эн» теневых измерений и двух подстановочных (как на подносике, – расположились на плоскости мы) начало вывариваться из большой знаменитости и из добрейшего пса – человек» [3, с. 185].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баак Й. ван. Белый-антрополог: о поэтике Андрея Белого с когнитивной точки зрения / Й. ван Баак // Миры Андрея Белого. – Белград; Москва, 2011. – С. 740 – 746.
2. Белый А. Маски / А. Белый. – М., Л.: ГИХЛ, 1932. – 450 с.
3. Белый А. Москва / А. Белый / [сост., вступ. ст. и примеч. С. И. Тиминой]. – М.: Советская Россия, 1989. – 768 с.
4. Брехт Б. Театр: в 5 т. / Б. Брехт. – Т. 2. – М.: Искусство, 1963. – 464 с.
5. Тимина С. И. Последний роман Андрея Белого / С. И. Тимина // Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 3 – 16.
6. Шарапенкова Н. Г. Мифолого-символический аспект имени собственного в романе Андрея Белого «Москва» / Н. Г. Шарапенкова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 3. – С. 41 – 52.

(Статья поступила в редакцию 1 сентября 2015 г.)